

Голод или не голод. Лев Николаевич Толстой

Нынешней зимою я получил письмо от г-жи Соколовой с описанием нужды крестьян в Воронежской губернии и передал это письмо с своей заметкой в "Русские Ведомости", и с тех пор некоторые лица стали обращать ко мне свои пожертвования для помощи нуждающимся крестьянам. Небольшие пожертвования эти я направил отчасти моему хорошему знакомому в Землянский уезд - 200 руб., ежемесячные же пожертвования смоленских врачей и еще небольшие пожертвования я переслал в Чернском уезде Тульской губернии моему сыну и его жене, поручив им распределение помощи в их местности. Но в апреле месяце я получил новые и довольно значительные пожертвования: г-жа Мевиус прислала 400 р., по мелочи собралось рублей 300, С. Т. Морозов дал 1000 р. - собралось около двух тысяч, и, считая себя не вправе отказаться от посредничества между жертвователями и нуждающимися, я решил поехать на место, для того чтобы наилучшим образом распределить эту помощь.

Как и в 1891-м году, я считал, что наилучшая форма помощи - это столовые, потому что только при устройстве столовых можно обеспечить хороший ежедневной пищей стариков, старух, больных и детей бедных, в чем, я полагаю, состоит желание жертвователей. При выдаче провианта на руки цель эта не достигается, потому что всякий хороший хозяин, получив муку, всегда прежде всего замесит ее лошади, на которой ему нужно пахать (и поступив так, поступит совершенно правильно, потому что пахать ему нужно для прокормления своей семьи не только в нынешнем, но и в будущем году), слабые же члены семьи будут недоедать в нынешнем году, как и до выдачи, так что цель жертвователей не будет достигнута.

Кроме того, только в форме столовых для слабых членов семей есть какой-нибудь предел, на котором можно остановиться. При выдаче на руки помощь идет на хозяйство, а для того, чтобы удовлетворить требованиям разоренного крестьянского хозяйства, никак нельзя решить, что крайне и что не крайне нужно: крайне нужна и лошадь, и корова, и выкуп заложенной шубы, и подати, и семена, и постройка. Так что при выдаче помощи на руки приходится выдавать или по произволу, наобум, или всем поровну, без различия. Поэтому я решил распределять помощь как и в 1891-м и 1892-м годах, - в форме столовых.

Для определения же наиболее нуждающихся семей и числа лиц из каждой из них, которые должны быть допускаемы в столовые, я руководствовался, как и прежде, следующими соображениями: 1) количеством скота, 2) числом наделов, 3) числом членов семьи, находящихся на заработках, 4) количеством едоков и 5) исключительными несчастными случаями, постигшими семью; пожаром, болезнями членов семьи, смертью лошади и т. п.

Первая деревня, в которую я приехал, было знакомое мне Спасское, принадлежавшее Ивану Сергеевичу Тургеневу. Расспросив старосту и стариков о положении крестьян этой деревни, я убедился, что оно далеко не так дурно, как было дурно положение тех крестьян, среди которых мы устраивали столовые в 1891-м году.

У всех дворов были лошади, коровы, овцы, был картофель и не было разоренных домов; так что, судя по положению спасских крестьян, я подумал, что не преувеличены ли толки о нужде нынешнего года.

Но посещение следующей за Спасским - Малой Губаревки и других деревень, на которые мне указали, как на очень бедные, убедило меня в том, что Спасское находится в исключительно счастливых условиях и по хорошему разделу, и по случайно хорошему урожаю прошлого года.

Так, в первой деревне, в которую я приехал, - Малой Губаревке, на 10 дворов было 4 коровы и 2 лошади; два семейства побирались, и нищета всех жителей была страшная.

Таково же почти, хотя и несколько лучше, положение деревень: Большой Губаревки, Мацнева, Протасов 1000 а, Чапкина, Кукуевки, Гущина, Хмелинок, Шеломова, Лопашина, Сидорова, Михайлова Броды, Бобрика, двух Каменок.

Во всех этих деревнях хотя и нет подмеси к хлебу, как это было в 1891-м году, но

Голод или не голод. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
хлеба, хотя и чистого, дают не вволю. Приварка - пшена, капусты, картофеля, даже
у большинства, нет никакого. Пища состоит из травяных щей, забеленных, если есть
корова, и незабеленных, если ее нет, - и только хлеба. Во всех этих деревнях у
большинства продано и заложено всё, что можно продать и заложить.

Так что крайней нужды в окружающей нас местности - районе 7-8 верст - так много,
что, устроив 14 столовых, мы каждый день получаем просьбы о помощи из новых
деревень, находящихся в таком же положении.

Там же, где устроены столовые, они идут хорошо, обходятся около 1 р. 50 к. на
человека в месяц и, как кажется, удовлетворяют поставленной нами себе цели:
поддержать жизнь и здоровье слабых членов самых бедных семейств.

Вчера вечером я заехал в деревню Гущино, состоящую из 49 дворов, из которых 24
без лошадей. Было время ужина. На дворе, под двумя вычищенными навесами, сидели
за пятью столами 80 человек столовых: старики вперемежку со старухами за
большими столами на скамейках; дети за маленькими столиками на чурбачках с
перекинутыми тесинами. Ужинавшие только что кончили первое блюдо (картофель с
квасом), и подавалось второе - капустные щи. Бабы наливали корцами в деревянные
чашки дымящиеся, хорошо заправленные щи; столовщик с ковригой хлеба и ножом
обходил столы и, прижимая ковригу к груди, отрезал и подавал ломти прекрасного,
свежего, пахучего хлеба тем, у кого был доеден [Нам удалось купить на
Юго-Восточной железной дороге 2 вагона муки по 75 коп., когда она была по 90 к.
в нашем месте, и мука оказалась так необыкновенно хороша, что ею не нахваляются и
бабы, ставящие хлебы, так она в меске хороша, и столовые говорят, что хлеб из
нее выходит пряник. (Примеч. Л. Н. Толстого.)].

Хозяйка и женщина из столовых служат взрослым, хозяйская дочь, девочка,
служит детям.

Ужинавшие были большей частью исхудальные, истощенные, в изношенных одеждах,
редкобородые, седые и лысые старики и сморщеные старушки. На всех лицах было
выражение спокойствия и довольства. Все эти люди, очевидно, находились в том
мирном и радостном настроении и даже некотором возбуждении, которое производит
употребление достаточной пищи после долгого лишения ее. Слышались звуки еды,
степенный разговор и изредка смех на детских столах. Были тут и два прохожих
нищих, за которых столовщик извинялся, что допустил их к ужину.

Все происходило чинно, степенно, точно как будто этот порядок существовал
веками.

Из Гущина я поехал в деревню Гневышево, из которой дня два тому назад приходили
крестьяне, прося о помощи. Деревня эта состоит, так же как и Губаревка, из 10
дворов. На десять дворов здесь четыре лошади и четыре коровы; овец почти нет;
все дома так стари и плохи, что едва стоят. Все бедны, и все умоляют помочь им.
"Хоть бы мало-мальски ребята отдыхали", - говорят бабы. "А то просят папки
(хлеба), а дать нечего, так и заснет не ужинаючи".

Я знаю, что тут есть доля преувеличения, но то, что говорит тут же мужик в
кафтане с прорванным плечом, уже наверное не преувеличение, а действительность.
"Хоть бы двоих, троих с хлеба спихнуть, - говорит он. - А то вот свез в город
последнюю свитку (шуба уж давно там), привез три пудика на восемь человек -
надолго ли! А там уж и не знаю, что везти..."

Я попросил разменять мне три рубля. Во всей деревне не нашлось и рубля денег.

Очевидно, необходимо устроить и тут столовую. Так же, вероятно, нужно и в двух
деревнях, из которых приходили просить.

Кроме того, нам сообщают, что в южной части Чернского уезда, на границе
Ефремовского, нужда очень велика, и до сих пор нет никакой помощи. Казалось бы
очевидным, что надо продолжать и расширять дело, я это возможно, так как в
последнее время получены еще довольно значительные пожертвования: 500 р.
от кн. Кудашевой, 1000 р. от г-жи Мансуровой, 2000 р. от драматических деятелей.

Но оказывается, что не только расширить дело, но и продолжать его почти нельзя.
Продолжать же нельзя по следующим причинам: Орловский губернатор не разрешает
открывать столовые: 1) без соглашения с местным попечительством, 2) без

Голод или не голод. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
обсуждения вопроса об открытии каждой столовой с г. земским начальником и 3) без
того, чтобы заблаговременно не уведомлять губернатора о том, сколько нужно
открывать столовых в известной местности.

Из Тульской же губернии уже приезжал становой с требованием не устраивать
столовых без разрешения губернатора. Кроме того, запрещено всем не местным
жителям участвовать и помогать в устройстве столовых без разрешения губернатора;
без участия же таких помощников, специально занятых сложным и хлопотливым делом
столовых, устройство их невозможно. Так что, несмотря на несомненную нужду
народа, несмотря на средства, данные жертвователями для помощи этой нужде, дело
наше не только не может расшириться, но находится в опасности быть совершенно
прекращенным.

Вследствие этого полученные мною в последнее время деньги, а именно:

от кн. Кудашевой ..... 500 руб.
" г-жи Мансуровой ..... 1000 "
" драматических деятелей .... 2000 "
..... всего 3500 р.

и еще некоторые небольшие пожертвования остаются неизрасходованными и будут
возвращены их жертвователям, если они не пожелаут дать им другое назначение. На
22 мая отчет полученных и израсходованных мною денег следующий:

Приход

От смоленских врачей .... 323 р. 27 к.
Г. Мевиус 400
Кн. Т. 100
А. З. 200
Баумана 25
М. К. 40
С. 25
из "Р. В." ..... 112 р. 48 к.
От С. В. и д. С. 20
" неизвестной через д. 16
" Касаткина 25
из "Р. В." 200
Баумана 20
Неизвестной 200
Гимназистов 118
За медаль С. Н. Шиль 199
От Ол. Ковалевской 4
С. Т. М. 1000
Е. Ф. Юнге 15
..... 3012 р. 75 к.

Расход

Мука	2061 р. 18 к.....	2584 пуда
Пшено	140 р.	150 пудов
Горох.....	60 р.....	75 п.
Картофель.....	171 р. 24 к.....	131 четв.
Капуста	27 р. 50 к.....	56 пуд. 35 ф.
Извоз	3 р. 10 коп.	
дрова	56 р. 75 к.	
Масло	27 р. 80 к.....	5 пуд.
Соль	2 руб. 40 к....	10 пуд.
		2549 р. 97 к.

Таково мое личное дело; теперь постараюсь ответить на те общие вопросы, на которые навела меня моя деятельность, - вопросы, которые, судя по газетам, занимали и общество в последнее время.

Вопросы эти следующие: Есть ли в нынешнем году голод или нет голод?

Отчего происходит так часто повторяющаяся нужда народная?

И как сделать, чтобы нужда эта не повторялась и не требовала бы особых мер для ее покрытия?

На первый вопрос отвечу следующее:

есть статистические исследования, по которым видно, что русские люди вообще недоедают на 30% того, что нужно человеку для нормального питания; кроме этого, есть сведения о том, что молодые люди черноземной полосы последние 20 лет всё меньше и меньше удовлетворяют требованиям хорошего 1000 сложения для воинской повинности; всеобщая же перепись показала, что прирост населения, 20 лет тому назад, бывши самым большим в земледельческой полосе, всё уменьшаясь и уменьшаясь, дошел в настоящее время до нуля в этих губерниях. Но и без изучения статистических данных, стоит только сравнить среднего исхудалого до костей, с нездоровым цветом лица крестьянина-земледельца средней полосы с тем же крестьянином, попавшим в дворники, кучера - на хорошие харчи, и сравнить движения этого дворника, кучера и ту работу, которую он может дать, с движениями и работой крестьянина, живущего дома, чтоб увидеть, насколько недостаточным питанием ослаблены силы этого крестьянина.

Когда, как это делалось прежде нерасчетливыми хозяевами и теперь еще делается, держат скотину для навоза, питая ее на холодном дворе кое-чем, только чтобы она не издохла, происходит то, что из всей этой скотины вытерпевает без ущерба своему организму только та, которая находится в полной силе; старые же, слабые, неокрепшие молодые животные или изыхают, или если и выживают, то в ущерб своему приплоду и здоровью, а молодые в ущерб росту и сложению.

Вот точно в таком положении находится русское крестьянство черноземного центра. Так что, если разуметь под словом "голод" такое недоедание, вследствие которого непосредственно за недоеданием людей постигают болезни и смерть, как это, судя по описаниям, было недавно в Индии, то такого голода не было ни в 1891-м году, нет и в нынешнем.

Если же под голодом разуметь недоедание, не такое, от которого тотчас умирают люди, а такое, при котором люди живут, но живут плохо, преждевременно умирая, уродуясь, не плодясь и вырождаясь, то такой голод уже около 20 лет существует для большинства черноземного центра и в нынешнем году особенно силен.

Голод или не голод. Лев Николаевич Толстой tolstoyeo.ru
Таков мой ответ на первый вопрос. На второй вопрос: отчего это произошло? ответ
мой состоит в том, что причина этого духовная, а не материальная.

Военные люди знают, что такое значит дух войска; знают, что этот неосознанный элемент есть первое главное условие успеха, что при отсутствии этого элемента делаются недействительными все другие. Пускай будут солдаты прекрасно одеты, накормлены, вооружены, пускай будет сильнейшая позиция сражение будет проиграно, если не будет того неосознанного элемента, который называется духом войска. То же самое в борьбе, с природой. Как только в народе нет духа бодрости, уверенности, надежды на все большее и большее улучшение своего состояния, а есть, напротив, сознание тщеты своих усилий, уныние народ не победит природы, а будет побежден ею. А именно таково в наше время положение всего нашего крестьянства и в особенности земледельческого центра. Он чувствует, что его положение как земледельца - плохо, почти безвыходно, и, приспособившись к этому безвыходному положению, уже не борется с ним, а живет и действует лишь настолько, насколько его к этому побуждает инстинкт самосохранения. Кроме того, самая бедственность положения, до которого он дошел, еще усиливает упадок его духа. Чем ниже в своем экономическом благосостоянии спускается население, как тяжесть на рычаге, тем труднее ему подняться, и крестьяне чувствуют это и как бы махнули на себя рукой: "Где уж нам, - говорят они, - не до жиру, быть бы живу!"

Признаков этого упадка духа очень много. Один, первый и главный - это полное равнодушие ко всем духовным интересам. Вопроса религиозного совершенно не существует в земледельческом центре; и совсем не потому, что крестьянин твердо держится православия (напротив, все отчеты и все сведения священников подтверждают то, что народ всё более и более становится равнодушным к церкви), а потому, что у него нет интереса к духовным вопросам.

Второй признак - это косность, нежелание изменять своих привычек и своего положения. За все эти годы, в то время, как в других губерниях вошли в употребление плуги, железные бороны, травосеяние, посевы дорогих растений, садоводство, даже минеральное удобрение, - в центре все остается по-старому 1000 у с сохой, трехпольем, изрезанными делянками в борону шириной и всеми рюриковскими приемами и обычаями. Даже переселений всего меньше из черноземного центра.

Третий признак - отвращение к сельской работе, - не лень, а вялая, невеселая, непроизводительная работа, работа, эмблемой которой может служить колодезь, из которого вытягивается ведро не журавцом, не колесом, как это делалось прежде, а просто веревкой, руками, и, вытягивается в ведре, которое течет и из которого вытекает третья вода, пока его донесут до места. Такова почти вся работа черноземного мужика, кое-как, с огрехами пашущего 16 часов на чуть волочащей ноги лошади пашню, которую он на хорошей лошади, при хорошей пище, хорошим плугом мог бы вслахать в полдня. При этом естественно желание забыться, и потому вино и табак все более и более распространяются, так что в последнее время пьют и курят мальчики-дети.

Четвертый признак упадка духа - это неповинование сыновей родителям, меньших братьев старшим, неприсылка заработанных на стороне денег в семью и стремление молодых поколений избавиться от тяжелой безнадежной сельской жизни и пристроиться где-нибудь в городе.

Поразительным для нас признаком прошедшего за последние 7 лет упадка было то, что во многих деревнях взрослые и, казалось бы, достаточные крестьяне просятся в столовые и идут в них, если их допускают. Этого не было в 1891-м году. Вот, например, случай, показывающий всю ту степень и бедности и недоверия к своим силам, до которой дошли крестьяне.

В деревне Шушмине, Чернского уезда, помещица продает крестьянам через банк землю. Она требует с них по 10 р. приплаты за десятину, и то разлагая на два срока по 5 рублей, отдавая притом им землю с посевом и по 2 четверти овса на яровой посев. И при этих поразительно выгодных условиях крестьяне медлят и ничего не предпринимают.

Так что ответ мой на второй вопрос состоит в том, что причины того положения, в котором находятся крестьяне: потеряли бодрость, уверенность в своих силах, надежду на улучшение своего положения - пали духом.

Голод или не голод. Лев Николаевич Толстой tolstoyeo.ru
Ответ же на третий вопрос: как помочь бедственному положению крестьян вытекает из этого второго ответа. Для того, чтобы помочь крестьянству, нужно одно: поднять его дух, устраниТЬ всё то, что его подавляет.

Подавляет же дух народа непризнание в нем теми, которые управляют им, его человеческого достоинства, признание крестьянина не человеком, как все, а грубым, неразумным существом, которое должно быть опекаемо и руководимо во всяком деле, и, вследствие этого, под видом заботы о нем, полное стеснение его свободы и унижение его личности.

Так, в самом важном, религиозном отношении каждый крестьянин не чувствует себя свободным членом своей церкви, свободно избравшим, или по крайней мере свободно признавшим исповедуемую им веру, а рабом этой церкви, обязанным беспрекословно исполнять те требования, которые ему предписаны его религиозными начальниками, присланными к нему и поставленными независимо от его желания или выбора. То, что это есть важная причина подавленного состояния народа, подтверждает то, что всегда, везде, как только крестьяне освобождались от деспотизма церковного, впадая, как это называется, в секту, так тотчас же поднимается дух этого народа, и тотчас же, без исключения, устанавливается и экономическое благосостояние его.

Другое губительное для народа проявление этой заботы о нем есть исключительные законы для крестьянства, сводящиеся в действительности к отсутствию всяких законов и полному произволу приставленных к управлению крестьянами чиновников.

Для крестьян номинально существуют какие-то особенные законы и по владению землею, и по дележам, и по наследству, и по всем обязанностям его, а в действительности же есть какая-то невообразимая каша крестьянских положений, разъяснений, обычного права, кассационных решений и т. п., вследствие которых крестьяне совершенно справедливо чувствуют себя в полной зависимости от произвола 1000 а своих бесчисленных начальников.

Начальниками же своими крестьянин признает, кроме сотского, старосты, старшины и писаря, и урядника и станового, и исправника, и страхового агента, и землемера, и посредника по размежеванию, и ветеринара, и его фельдшера, и доктора, и священника, и судью, следователя, и всякого чиновника, и даже помещика, всякого господина, потому что по опыту знает, что всякий такой господин может сделать с ним всё, что хочет. Больше же всего подавляет дух народа, хотя это не видно, то постыдное, разумеется не для жертв его, а для участников и попустителей его, - истязание розгами, которое, как дамоклов меч, висит над каждым крестьянином.

Так что на три поставленные вначале вопросы: есть ли голод или нет голод? Отчего происходит нужда народа? И что нужно сделать, чтобы помочь этой нужде? ответы мои следующие: голода нет, а есть хроническое недоедание всего населения, которое продолжается уже 20 лет, и всё усиливается, и которое особенно чувствительно нынешний год при дурном прошлогоднем урожае, и которое будет еще хуже прошлогоднего. Голода нет, но есть положение гораздо худшее. Всё равно, как бы врач, у которого спросили, есть ли у больного тиф, ответил бы: "Тифа нет, а есть быстро усиливающаяся чахотка".

На второй же вопрос ответ мой состоит в том, что причина бедственности положения народа не материальная, а духовная; что причина главная - упадок его духа, так что пока народ не поднимется духом, до тех пор не помогут ему никакие внешние меры, ни министерство земледелия и все его выдумки, ни выставки, ни сельскохозяйственные школы, ни изменение тарифов, ни освобождение от выкупных платежей (которое давно пора бы сделать, так как крестьяне давно переплатили то, что заняли, если считать по теперь употребительному проценту), ни снятие пошлин с железа и машин, ни столь любимые теперь и выставляемые несомненным лекарством от всех болезней - приходские школы, ничто не поможет народу, если его состояние духа останется то же. Я не говорю, чтоб все эти меры не были полезны, но они делаются полезными только тогда, когда народ поднимется духом и сознательно, и свободно захочет воспользоваться ими.

Ответ же мой на третий вопрос, - как сделать, чтобы нужда не повторялась, состоит в том, что для этого нужно, не говорю уже уважать, а перестать презирать, оскорблять народ обращением с ним, как с животным, нужно дать ему свободу исповеданья, нужно подчинить его общим, а не исключительным законам, а не произволу земских начальников; нужно дать ему свободу ученья, свободу чтенья, свободу передвижения и, главное, снять то позорное клеймо, которое лежит на

Голод или не голод. Лев Николаевич Толстой tolstoyeo.ru
прошлом и теперешнем царствовании, – разрешение дикого истязания, сечения
взрослых людей только потому, что они числятся в сословии крестьян.

Если б мне сказали: вот ты хочешь добра народу, – выбирай одно из двух: дать ли всему разоренному народу на двор по 3 лошади, по 2 коровы и по три навозные десятины, и по каменному дому, или только свободу вероисповедания, обучения, передвижения и уничтожение всех специальных законов для крестьян, то, не колеблясь, я выбрал бы второе, потому что убежден, что какими бы материальными благами ни оделить крестьян, если только они останутся с тем же духовенством, теми же приходскими школами, теми же казенными кабаками, той же армией чиновников, мимо озабоченных их благосостоянием, то они через 20 лет опять проживут все и останутся такими же бедными, какими были. Если же освободить крестьян от всех тех пут и унижений, которыми они связаны, то через 20 лет они приобретут все те богатства, которыми мы бы желали наградить их, и гораздо еще больше того.

Думаю же я, что это будет так, во-первых, потому, что я всегда находил и больше разума, и настоящего знания, нужного людям, среди крестьян, чем среди чиновников, и потому думаю, что крестьяне сами скорее и лучше обдумают, что для них нужнее; во-вторых, потому, что крестьяне, те самые, о благе которых идет забота, лучше знают, в чем оно состоит, чем чиновники, озабоченные 1000 преимущественно получением жалованья, и, в-третьих, потому, что опыт жизни постоянно и безошибочно показывает, что чем больше крестьяне подвергаются влиянию чиновников, как это происходит в центрах, тем более они беднеют, и, напротив, чем дальше крестьяне живут от чиновников, как, например, в Сибири, в Самарской, Оренбургской, Вятской, Вологодской Олонецкой губерниях, – тем больше, без исключения; они благоденствуют.

Вот те мысли и чувства, которые вызывало во мне повое сближение с крестьянской нуждой, и я счел своею обязанностью высказать их для того, чтобы люди искренние, действительно желающие отплатить народу за все то, что мы получали и получаем от него, не тратили бы даром свои силы на деятельность второстепенную и часто ложную, а все силы свои употребили бы на то, без чего никакая помощь не будет действительной, – на уничтожение всего того, что подавляет дух народа, на восстановление всего того, что может поднять его

26-го мая 1898.

4-го июня 1898 г.

Прежде чем отсылать эту статью, я решил съездить еще в Ефремовский уезд, о бедственном состоянии некоторых местностей которого я слышал от лиц, внушающих полное доверие.

По пути к этой местности мне пришлось проехать во всю его длину весь Чернский уезд. Ржи в той местности, где я жил, т. е. в северной части Чернского и Мценского уездов, в нынешнем году чрезвычайно плохи, хуже прошлогодних, – но то, что я увидел по пути к Ефремовскому уезду, превзошло мои самые мрачные предположения.

Местности, которые я проехал – около 35-ти верст в длину – от Гремячево до границ Ефремовского и Богородицкого уездов и в ширину, как мне говорили, верст на 20 – ожидает и в будущем году ужасное бедствие. Рожь на пространстве этого четырехугольника – почти в 100 тысяч десятин – пропала совершенно. Едешь версту, две, десять, двадцать, и по обеим сторонам дороги на помещичьих землях вместо ржи сплошная лебеда, на крестьянских – нет даже и лебеды. Так что к будущему году положение крестьян этой местности (также, как мне говорили, пропала рожь и во многих других местах) будет несравненно хуже нынешнего.

Говорю о положении только крестьян, а не вообще землевладельцев, потому что только для крестьян, прямо, непосредственно кормящихся своим хлебом и именно ржаным полем, урожай ржи имеет решающее значение, вопрос жизни и смерти.

Как только у крестьянина не хватает своего хлеба на весь обиход или на большую часть его, и хлеб дорог, как нынешний год (около рубля) – так положение его угрожает сделаться отчаянным, подобно положению, скажем, чиновника, лишившегося места и жалования и продолжающего кормить свою семью в городе.

Голод или не голод. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Чиновнику без жалования, для того чтобы существовать, нужно тратить или запасы, или продавать вещи, и каждый день жизни приближает его к полной погибели, точно так же крестьянина, принужденного покупать дорогой хлеб свыше обычного, обеспеченного определенным заработком количества, с той разницей, что, спускаясь ниже и ниже, чиновник, пока он жив, не лишается возможности получить место и восстановить свое положение, крестьянин же, лишаясь лошади, поля, семян, лишается окончательно возможности поправиться.

В таком угрожающем погибелю положении находится большинство крестьян здешней местности. Но в будущем году положение это будет не только угрожающим, но для большинства наступит самая погибель.

И потому помочь как правительственная, так и частная будет в будущем году настоятельно необходима. А между тем именно теперь, как в нашей Тульской губ., так и в Орловской, Рязанской и других губерниях, принимаются самые энергические меры для противодействия частной помощи во всех ее видах, и, как видно, меры общие, постоянные. Так, в тот Ефремовский уезд, куда я направлялся, совершенно не допускаются посторонние лица для помощи нуждающимся. Устроенная там пекарня лицом, приехавшим с пожертвованиями от Вольноэкономического общества, была закрыта, само лицо выслано и также выслана 1000 ны прежде приезжавшие лица. Считается, что нужды в этом уезде нет и что помочь не нужна в нем. Так что, хотя и по личным причинам, я не мог исполнить своего намерения и проехать в Ефремовский уезд, поездка моя туда была бы бесполезна или произвела бы ненужные осложнения.

В Чернском же уезде за это время моего отсутствия, по рассказам приехавшего оттуда моего сына, произошло следующее: полицейские власти, приехав в деревню, где были столовые, запретили крестьянамходить в них обедать и ужинать; для верности же исполнения те столы, на которых обедали, разломали, - и спокойно уехали, не заменив для голодных отнятый у них кусок хлеба ничем, кроме требования безропотного повиновения. Трудно себе представить, что происходит в головах и сердцах; людей, подвергшихся этому запрещению, и всех тех людей, которые узнали про него. Еще труднее, для меня, по крайней мере, представить себе, что происходит в головах и сердцах других тех людей, которые считают нужным предписывать такие мероприятия и исполнять их, т. е. воистину не зная, что творят, - отнимать изо рта хлеб милостины у голодных, больных, старых и детей... Я знаю те соображения, которые выставляются в защиту таких мероприятий: во-первых, надо доказать, что положение вверенного нашему управлению населения не так дурно, как это хотят выставить люди противной нам партии; во-вторых, всякое учреждение (а столовые и пекарни - это учреждения) должно быть подчинено контролю правительства, хотя в 1891 и 1892 гг. такого подчинения не было; в-третьих, прямое и близкое отношение людей, помогающих населению, может вызвать в нем нежелательные мысли и чувства. Но ведь все эти соображения, если бы они и были справедливы, - а они все ложны - так мелочны и ничтожны, что не могут иметь никакого значения в сравнении с тем, что делается столовыми или пекарнями, раздающими хлеб нуждающимся.

Всё дело ведь состоит в следующем: есть люди, - не будем говорить умирающие, но страдающие от нужды; есть другие, живущие в избытке и по добруму чувству отдающие этим людям свой излишек; есть третьи, желающие быть посредниками между первыми и вторыми и на это отдающие свой труд.

Неужели такие деятельности могут быть для кого-нибудь вредными и может входить в обязанность правительства противодействовать им?

Я понимаю, что солдат-сторож в Боровицких воротах, когда я хотел подать нищему, воспретил мне это и не обратил никакого внимания на мое указание на Евангелие, спросив меня, читал ли я воинский устав, но правительственное учреждение не может игнорировать Евангелие и требований самой первобытной нравственности, т. е. того, чтобы люди людям помогали. Правительство, напротив, только затем и существует, чтобы устранить всё то, что мешает этой помощи.

Так что правительство не имеет никакого основания для противодействия такой деятельности. Если же должно направленные органы правительства и требовали бы подчинения такому воспрещению, частный человек обязан не подчиняться такому требованию.

Когда приезжавший к нам становой пристав сказал, что что же мне стоит обратиться
Страница 8

Голод или не голод. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
к губернатору с просьбой о разрешении устройства столовых, я ответил ему, что не
могу этого сделать, так как не знаю такого законоположения, которым запрещалось
бы устройство столовых; если же и было таковое, то я не мог бы подчиниться ему,
потому что, подчинившись такому законоположению, я завтра мог бы быть поставлен
в необходимость подчиниться запрещению выдачи муки, подачи милостыни без
разрешения правительства. Право же подавать милостыню установлено самою высшею
властью, и никакая другая власть не может отменить его.

Можно закрыть столовые, пекарни, выслать из одного уезда в другой тех людей,
которые приехали помочь населению, но нельзя воспрепятствовать этим высланным
из одного уезда людям жить в каком-нибудь другом, У своих знакомых или в
крестьянской избе и служить народу какими-либо другими способами, отдавая точно
так же на служение ему свои средства и труды. Нельзя отгородить один класс
народа от другого. Всякая же попытка такого отгораживания приносит те самые
последствия, которые этим отгораживанием желательно было избегнуть.

Воспрепятствовать общению людей нельзя, можно только нарушить правильное течение
этого общения и там, где бы оно было благотворно, дать ему вредное направление.
Помочь предстоящему, как и всякому человеческому бедствию, может только духовный
подъем народа (я разумею под народом не одно крестьянство, но весь народ, как
рабочие, так и богатые классы); подъем же народа бывает только в одном
направлении: в большем и большем братском единении людей и потому для помощи
народу надо поощрять это единение, а не препятствовать ему. Только таким
большим, чем прежнее, братским единением людей не только покроется и нынешнее и
ожидаемое бедствие будущего года, но и поднимется общее благосостояние все
упадающего и упадающего крестьянства и предотвратится повторение бедствий 91, 92
и нынешнего годов.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!